

Culture Time in the Context of Valuable and Estimated Relation of the Person to the World

E. N. Bogatyreva

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: ebogatyreva@yandex.ru

The article presents the process of cultural development as a continuous activity, in which the values are produced by the marketed value relevant to the world. Existential human self-determination through the material and the natural environment is shown in creating cultural forms: objects, images, concepts, relations, traditions, characters.

The transformation of value changes in the structures of consciousness, and, further, all spheres of culture is expressed in the psychological culture of personality, various social groups, it is projected in the cultural practices of personal and public life, as an effective way to self-actualization and self-fulfillment and human condition and society.

Key words: memory of culture, historical memory, values, time of culture, cultural and historical era.

References

1. Berdyaev N. A. Dukhi russkoy revolyutsii (Spirits of the Russian revolution) // *Literaturnaya ucheba* (Literary study), 1990, no. 2, pp. 123–140.
2. Mamardashvili M. K. Kak ya ponimayu filosofiyu : beseda (Philosophy As I understand it). *Vestnik vysshey shkoly* (Alma Mater. The Bulletin of the higher school), 1989, no. 9, pp. 80–87.
3. Berdyaev N. A. The Meaning of the Creative Act. L., 1955, 344 p. (Russ. ed.: Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva. *Filosofiya tvorchestva, kultura i iskusstvo* {Philosophy of creativity, culture and art}: in 2 vol.. Moscow, 1994. Vol. 1. 298 p.)
4. Baryshkov V. P. *Aksiologiya lichnostnogo bytiya* (Axiology of personal being). Moscow, 2001. 186 p.
5. Sokolov B. G. *Cultura i traditsiya* (Culture and tradition). *Metafizicheskiye issledovaniya* (Metaphysical researches). Vol. 4. St. Petersburg, 1997, pp. 27–49.
6. Florensky P. A. *Iz bogoslovskogo naslediya* (From the theological heritage). *Bogoslovskiye trudy* (Theological writings). Moscow, 1977, no. 17, pp. 85–248.

УДК 101. 1 : 316

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

С. А. Вершилов

Вершилов Сергей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: vershil@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния ряда детерминантов на особенности становления и развития культуры военной безопасности российского социума. Автор рассматривает пространственно-временной, природно-климатический и духовный факторы. Первый из них положительно повлиял на единение русского воинства и рядовых граждан: это приводило к росту патриотизма – все понимали, что военная безопасность соотечественников есть общая проблема. Второй фактор своим воздействием способствовал установлению устойчивого неприятия отечественным социумом гносеологического разрыва между культурой отдельного индивида и культурой коллектива в вопросах обеспечения военной безопасности. В пределах третьего фактора проявилась интенция к внутренней гармонии россиян, подвигавшая их к осознанию необходимости в предотвращении ущерба со стороны воинственных «соседей».

Ключевые слова: детерминанты, культура военной безопасности, особенности, пространственно-временной, природно-климатический и духовный детерминанты, развитие, российский социум, становление.

Разнообразие форм бытия всегда выступало и выступает итогом многочисленных путей приспособления соотечественников к различным обстоятельствам, в которых это бытие возникло и впоследствии совершенствовалось. Поэтому необходимо выявить детерминанты (определяющие факторы), повлиявшие на особенности становления и развития культуры военной безопасности российского социума. Под культурой военной безопасности мы понимаем универсальный инструмент анализа социокультурных пределов концепта «военная безопасность», вобравший в себя подвижное в континуумном пространственно-временном «сцеплении» и сравнительно статическое во взаимодействии и связи сочетание репрезентативных практик, которые осуществляются и постепенно изменяются в деятельности, поведении и сознании субъекта.

Заметим, что вся совокупность детерминантов имела двойственное значение для особенностей становления и развития культуры военной безопасности российского социума: *первое* заключалось в прямом воздействии, когда предпринимался выбор максимально жизнеспособных средств и способов обеспечения существования нации, *второе* носило опосредованный характер. Культура военной безопасности российского социума впитала в себя особенности материального и духовного состояния страны, её традиции, стандарты познания окружающего мира и уроки истории. Одновременно с этим на её развитие влияли многообразные проявления внешнего культурного процесса. «Понять появление такой культуры, – согласно Ш. Л. Монтескье, – не представляется возможным без рассмотрения ряда объективных факторов: пространственно-временного, природно-климатического, духовного и др.» [1, с. 377].

Представляется логичным сначала исследовать влияние *пространственно-временного детерминанта* на культуру военной безопасности российского социума. Учёные-этнологи полагают, что славянский этнос возник примерно на 500 лет позже западноевропейских. К тому периоду Европа уже имела государственные границы, значительную плотность населения, а её народы достигли в своём развитии «определённого культурного расцвета» [2, с. 48]. «В такой ситуации, – по оценке Л. Н. Гумилёва, – славянские племена, на стадии подъёма и движимые потребностью прогресса, переселялись и к востоку, и к западу от Карпат» [3, с. 78].

Продвижение славян на запад встретило упорное сопротивление со стороны ранее сформировавших свою культуру этносов. Вместе с тем движение в противоположном – восточном – направлении оказалось более динамичным и успешным, что предопределило скорое расселение славян на границах Восточной Европы. Пределы размещения русичей оказались значительными, а становление и развитие культуры российского этноса в вопросах военной безопасности пришлось на тот исторический этап, когда, по утверждению Ф. Энгельса, «Война и организация для войны <...> стали регулярными функциями народной жизни» [4, с. 164].

В условиях уникального геополитического положения Русь с её огромными ресурсами постоянно испытывала нажим с разных сторон и разного содержания, включая и открытую военную агрессию [5, с. 52]. По мнению Вал. В. Чебана, «Для России подавляющее число войн выпало на период становления её культуры и организации собственной военной безопасности» [6, с. 6]. Для Руси стало обычным явление: земледельцы работали в полях с оружием на поясе, а воины «кормились» косой и сохой. Такое обстоятельство привело к возникновению специфического со-

циокультурного режима – сословно-крепостного строя в качестве адекватного потребностям военной безопасности славянских поселений. Непрерывно идущие войны и актуальная необходимость в постоянной защите предопределили появление ещё одного сословия – казачества, стандарты бытия которого оказались востребованными как при обеспечении военной безопасности, так и при решении экономических нужд. Указанные обстоятельства следует признать одной из особенностей становления и развития культуры военной безопасности россиян, в которой раскрылась взаимосвязь следующих её элементов: культуру военно-экономической, военно-политической и военно-социальной безопасности. Это в дальнейшем предопределило и позицию отечественных субъектов власти, заключающуюся в применении максимально эффективных мер для обеспечения военной безопасности российского социума.

Своеобразными оказались и подходы русичей к обустройству своего социокультурного пространства в условиях перманентно существующих вызовов и угроз со стороны многочисленных, часто враждебно настроенных соседей. Приметой времени стал отказ правящей администрации от противопоставления военно-служивого сословия народу в той мере, в какой это было в Европе или России после реформ Петра I. В данном случае особенностью культуры военной безопасности российского социума было наличие единой цели и общей ответственности за обеспечение военной безопасности, что способствовало повышению патриотического подъёма соотечественников.

Состоятельность живущих в определённом достатке простых людей (рядовой военной человек был значительно беднее крестьянина) предопределяла то, что при обострении военной ситуации оборона своей территории и нажитого добра становилась всеобщей потребностью [7, с. 262]. Обязательное правило по предоставлению служивому надела земли, при условии несения им службы в «усадьбе», обеспечивало необходимый уровень мобилизационной готовности поселений, что в значительной мере способствовало устранению разброда и неповиновения в войсках. Указанное обстоятельство было ещё одной особенностью становления и развития культуры военной безопасности российского социума.

Наличие всенародной поддержки при обеспечении безопасности проявилось в том, что при отсутствии численного преимущества войск перед монголо-татарской группировкой Дмитрий Донской накануне Куликовской битвы вооружил крестьян, сведя на нет преимущество противника в воинах. Кроме того, издавна на Руси значительную помощь регулярному войску оказывало народное ополчение и партизанское движение в тылу агрессора [8, с. 47]. Взаимосвязь культур военно-управленческой безопасности и воен-

но-нравственной деятельности как элементов исследуемого явления способствовала укреплению духа русских воинов перед предстоящим сражением, осознанию того, что безопасность социума – обязанность всех.

Русское фортификационное искусство имело отличие от западных образцов: упор делался не на воздвижение замков, стены которых обеспечивали защиту для избранных. Пристальное внимание уделялось строительству валов и крепостей, гарантировавших определённую безопасность как сражающимся, так и простым гражданам, в результате чего защита становилась общей проблемой. Единение русичей в подобной ситуации достигалось взаимосвязью таких элементов культуры военной безопасности, как культуры военно-технической (технологической) безопасности и военно-производственной деятельности.

Следующий детерминант, повлиявший на особенности становления и развития культуры военной безопасности российского социума, – *природно-климатический*. По мнению немецкого этнографа и географа Ф. Ратцеля, «Процветание социума во многом зависит от того, насколько успешно он приспосабливается к условиям среды» [9, с. 294]. Длительный зимний период, короткое лето, холодные или горячие степные ветры, значительный перепад температур, бедность почв, изобилие влаги в одной местности и её нехватка в другой оказали воздействие на социокультурное состояние россиян [10, с. 38]. Кроме того, характерные черты природно-климатической среды предопределили способ адаптации соотечественников к обстановке, обуславливая и особенности становления и развития культуры военной безопасности: это коснулось как материальной, так и духовной составляющей.

Так, органы военного управления решили вопрос с продовольственным снабжением армии поставкой ей специфических (морозостойких, быстросозревающих и, главное, высококалорийных) злаков и овощей: ячменя, ржи, капусты, моркови, картофеля – это с одной стороны. С другой – избыток на российских просторах зверя и птицы предоставил русичам рациональные с позиции сбережения жизни воинов обмундирование и амуницию. С третьей стороны, залогом здоровья служилых людей стали деревянные срубы, наиболее подходящие для мест постоянной дислокации подразделений в условиях резко континентального климата. Подобная традиция в определённой степени облегчила деятельность тыловых органов, снабжающих войска, положительно сказалась на моральном духе воинов и таким образом повлияла на становление и развитие культуры военной безопасности российского социума.

Сохранение общинного строя в течение многих веков в значительной степени было предопределено природно-климатической средой

России, поскольку коллективно предпочтительнее заниматься тяжелой сельскохозяйственной работой, справляться с оброком, бороться с голодом и невзгодами. К. С. Аксаков в работе «Нравы и обычаи древних славян вообще и русских славян в частности» утверждал: «Общественная структура, характерная для славян, и особенно русских, сочетает в себе высокоразвитую семью не с клановой или патриархальной системой, а с общинным политическим строем, опирающимся на волю народа» [11, с. 61]. Упор на коллективизм, в том числе и в вопросах организации обороны страны, во многом предопределил дальнейшее становление и развитие культуры военной безопасности российского социума, поскольку общинные традиции вырабатывали чувства солидарности и взаимопомощи. По мнению Э. Дюркгейма, «Люди в этом случае придерживаются одинаковых ценностей, признают одно и то же священным» [12, с. 303].

Нельзя не отметить и ещё один детерминант – *духовный*. Культура военной безопасности российского социума в своём становлении и развитии отражает многоаспектное влияние духовного фактора. Лучшие черты национального характера соотечественников: жертвенный патриотизм, готовность прийти на помощь в трудную минуту и др. – своим утверждением в определённой степени обусловлены конкретно-историческими условиями национального прогресса. Аргументы указанного суждения представлены в ряде работ отечественных исследователей. Так, В. Н. Сагатовский полагает: «Россияне вырастили из свободного сердечного созерцания свою, особую, русскую культуру воли, мысли и организацию военной безопасности» [13, с. 570].

Условия существования России, актуальная потребность в постоянном сдерживании или отражении агрессии придали остроту влиянию духовного фактора на культуру военной безопасности российского социума. Это предопределило её специфический механизм становления и развития [14, с. 133]. Так, объём вызовов и угроз от «недружелюбных соседей» был значительно больше, нежели их доброжелательность. Устранение подобного несоответствия представлялось возможным только на основе совместных действий, поэтому «отеческая забота», со стороны государства, предполагала образование и воспитание молодых соотечественников для жизни в обществе и его защиты.

Увеличение объёма задач, связанных с обеспечением военной безопасности Руси, актуализировало потребность в квалифицированных администраторах. Решение было найдено следующим образом: по велению князя Владимира – «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное» [15, с. 178] – появилась первая светская школа, необходимая для подготовки нужных государству людей, в том числе и в области

военного дела. Спустя несколько веков подобный шаг был предпринят Петром I: по его указу создана «школа математических и навигацких наук», где стали готовить военных специалистов для сухопутных войск и морского флота.

Россия выступила организатором такого учебного заведения, как Царскосельский лицей, положительному примеру которого, по мнению ряда учёных, долгое время следовали в учебно-воспитательной практике. Лицей хранил память о славных страницах истории: боях Петра I, победах русского оружия при Кагуле, Чесме, Морее. Заметим, что выпускники лицея, которые хотели стать профессиональными защитниками Отечества, приравнивались к выпускникам пажежского корпуса.

Духовный фактор повлиял на формирование такой особенности нравственного состояния соотечественников, как критическое отношение к себе. По мнению К. С. Аксакова, «Русский человек <...> всегда живо чувствует свои недостатки и, чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем менее бывает доволен собою» [16, с. 16]. Очевидно нет другой нации, которая так относится к своему прошлому: в значительной степени не возвышая, а осуждая его. Подтверждением указанного становятся эпитеты, которыми «награждались» исторические личности, решавшие, каждая в своё время, вопросы обеспечения военной безопасности России: «грозный», «кровавый». Так, нравственная оценка россиян деятельности Ивана Грозного не позволила скульпторам М. Микешину, И. Шредеру и архитектору В. Гартману, создавшим в 1862 г. памятник «Тысячелетие России», найти место его фигуре среди 109 изваяний выдающихся отечественных исторических деятелей [17, с. 255]. Подобная характерная особенность соотечественников представляет их поведение как адекватное требованиям развития культуры военной безопасности российского социума.

Заметим, повышенное внимание к своему прошлому при определённых обстоятельствах имеет отрицательное значение, вызывая кризис культуры, затрудняющий самоидентификацию российского социума. «Тревожное ощущение, вероятно, связано с тем, – справедливо полагает А. И. Афанасьева, – что <...> “правила игры” в обществе постоянно меняются, <...> доминирует ставка на понижение социокультурного качества, ухудшается человеческий материал, так как воспроизводится потребитель и “массовый человек”, высока степень манипулирования общественным сознанием» [18, с. 29]. В такой ситуации российский социум превратно воспринимает существующую или нарастающую военную опасность, вследствие чего формируется неадекватный ответ для её локализации и (или) предотвращения.

Кто мы и в каком направлении движемся? Ответы на эти вопросы в последние десятилетия развития нашего государства оказались основанием гносеологического разрыва культуры российского социума, дезинтегрируя соотечественников в вопросах обеспечения военной безопасности. Вместе с тем подчеркнём, что были моменты, хотя и происходило это крайне редко, когда военный оппонент проявлял чувство уважения по отношению к своему противнику. Так, в 1939 г. А. Деникин, находясь в эмиграции, произнёс тост за большевиков, которые, по его мнению, «...смогли сделать то, что не смогли мы – спасти великую империю» [19, с. 86].

Серьёзным знаком «раскола» сознания соотечественников является необъективный подход к оценке явлений и процессов в военной сфере, при котором утрачивается существенное и сберегается второстепенное, нуждающееся в реформировании. Мы считаем, что нет другой нации, кроме нашей, которая бы несколько раз в течение прошлого столетия самостоятельно, без внешнего давления, разрушала свою культуру военной безопасности. Подобное происходило либо из-за некомпетентности инициаторов военных преобразований, либо по причине их страха за своё существование, либо всего вместе взятого: 1917 г., репрессии 1930-х гг., хрущёвское сокращение армии и флота 1960-х гг., попытка реформирования Вооружённых сил РФ в 1990-е гг. Кроме того, военная безопасность российского социума продолжает оставаться недостаточно защищённой от влияния некомпетентных руководителей. С точки зрения В. Васильева, «А. Э. Сердюков (экс-министр обороны. – С. В.) проводил реформы в армии так, как понимал их в меру своей некомпетентности, как видел армейские проблемы, которые ему необходимо было решать» [20]. Такое положение дел не добавляет оптимистических оценок, касающихся развития культуры военной безопасности российского социума.

Подводя итоги, можно сказать, что, во-первых, *пространственно-временной детерминант* выявил ряд особенностей становления и развития культуры военной безопасности российского социума: а) воины и труженики выступали в «одном лице», т.е. быстро могли перестроиться с гражданского вида деятельности на военный и наоборот; б) принятие оптимального решения, состоящего в отказе от противопоставления служилых людей простому населению, сплывало последних; в) предоставление военным людям наделов земли способствовало поддержанию необходимого уровня мобилизационной готовности населённых пунктов; г) единение русского воинства и рядовых граждан способствовало пробуждению патриотизма: все понимали, что военная безопасность соотечественников есть общая проблема.

Во-вторых, *природно-климатический детерминант* проявил следующую особенность в становлении и развитии культуры военной безопасности российского социума: устойчивое неприятие отечественным социумом гносеологического разрыва между культурой отдельного индивида и культурой коллектива в вопросах обеспечения военной безопасности.

В-третьих, в пределах третьего фактора проявилась интенция к внутренней духовной гармонии россиян, подвигавшая их к осознанию необходимости предотвращения ущерба со стороны воинственных «соседей».

Список литературы

1. *Монтескье Ш. Л.* Избр. произв. М., 1955. 800 с.
2. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2008. 704 с.
3. *Гумилёв Л. Н.* От Руси до России. М., 2007. 320 с.
4. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 48 т. ; изд. 2-е. Т. 21. С. 23–178.
5. *Ильин И. А.* Историческое бремя России // Российский военный сборник. Вып. VI. М., 1994. 312 с.
6. *Чебан Вал. В.* Геополитическое положение и военная безопасность России. М., 1997. 144 с.
7. *Грачёва Т. В.* Память русской души. Рязань, 2011. 384 с.
8. *Чебан Вл. В.* Культура национальной безопасности

- России : история и современность (социально-философский анализ). М., 1996. 140 с.
9. *Ратцель Ф.* Политическая география. М., 1997. 395 с.
 10. *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). М., 1994. 430 с.
 11. *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1991. 559 с.
 12. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. : хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добренко, Л. П. Беленкова. М., 1994. 383 с.
 13. *Сагаатовский В. Н.* Русская идея : продолжим ли прерванный путь // Хрестоматия по философии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997. 576 с.
 14. *Устрялов Н. Г.* Русская история до 1855 года : в 2 ч. Петрозаводск, 1997. 960 с.
 15. *Руднев В. А.* Слово о князе Владимире. М., 1989. 256 с.
 16. *Аксаков К. С.* Нравы и обычаи древних славян вообще и русских славян в частности. СПб., 1852. 178 с.
 17. *За алтари и очаги.* М., 1989. 848 с.
 18. *Афанасьева А. И., Лиханова А. Б.* Метаморфозы массового сознания россиян // Социс. 2009. № 5. С. 24–30.
 19. *Тулчинский Г. Л.* Об одной ошибке русской революции // Вопр. философии. 1995. № 3. С. 78–89.
 20. *Васильев В.* Армия и флот в результате непродуманных, некомпетентных реформ находятся на грани гибели. URL: <http://vmfrussia.ru/group/1/discussion/130/> (дата обращения: 26.05.2013).

Determination of Peculiarity of Formation and Development of Culture Military Safety Russian Society

S. A. Vershilov

Balashov institute (branch)
of Saratov State University,
29, Karl Marx str., 412300, Balashov, Saratov region, Russia
E-mail: vershil@mail.ru

The article is devoted to the analysis of influence of some determinants on peculiarities of formation and development of culture of military safety of the Russian society. The author accounts for spatiotemporal, natural and climatic, spiritual factors. The first of them positively influenced on unity of Russian army and average citizens. It led to strengthening of conscience – everybody understood that military safety was a general problem. The second factor promoted the establishment of steady hostility of gnosiological disjunctive between culture of a single individual and collective culture in questions of providing military safety by Russian society. The third factors shows intention to concurrency of the Russians, which leads to understanding of necessity of preventing harm on the side of warlike «neighbours».

Key words: culture of military safety, development, determinants, formation, peculiarity, spatiotemporal, natural-climatic and spiritual determinants, Russian society.

References

1. *Politique de Montesquieu.* Paris, 1955. 739 p. (Russ. ed.: Monteske Sh. L. Izbrannye proizvedeniya. Moscow, 1955. 800 p.).
2. *Danilevskiy N. Ja.* Rossiya i Evropa (Russia and Europe). Moscow, 2008. 704 p.
3. *Gumil'ov L. N.* Ot Rusi do Rossii (From Rus to Russia). Moscow, 2007. 320 p.
4. *Engels F.* Proiskhozhdenie semi chastnoy sobstvennosti i gosudarstva (The origin of the family, of the private property and of the state). Marx K., Engels F. *Sochineniya:*
5. *Il'in I. A.* *Istoricheskoe bremya Rossii. Rossijskij voennyj sbornik. Vyp. VI.* (Historical burden of Russia). Moscow, 1994. 312 p.
6. *Cheban Val. V.* *Geopoliticheskoe polozhenie i voennaja bezopasnost' Rossii* (The geopolitical position and the military safety of Russia). Moscow, 1997. 144 p.
7. *Grachjova T. V.* *Pamjat' russkoj dushi* (The memory of the Russian soul). Rjazan', 2011. 384 p.
8. *Cheban Vl. V.* *Kul'tura nacional'noj bezopasnosti Rossii: istorija i sovremennost'* (social'no-filosofskij analiz).

- [Culture of national safety of Russia: history and modernity (social and philosophical analysis)]. Moscow, 1996. 140 p.
9. Ratcel F. *Politische Geographie*. Munch; Leipzig. 1897. 394 p. (Russ. ed.: Rattsel F. *Politicheskaya geografiya*. Moscow, 1997. 395 p.).
 10. Kondakov I. V. *Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury (teoreticheskij ocherk)*. [Introduction to the history of Russian culture (theoretical essay)]. Moscow, 1994. 430 p.
 11. Losskij N. O. *Istoriya russkoj filosofii* (The History of Russian Philosophy). Moscow, 1991. 559 p.
 12. Durkheim E. *Lecons de sociologie*. Paris, 1950. 490 p. (Russ. ed.: Dyarkgeim E. *O razdelenii obshchtvennogo truda. Teksty po istorii sotsiologii XIX–XX vv.*). Moscow, 1994. 383 p.
 13. Sagatovskij V. N. *Russkaya ideya: prodolzhim li prervannyj put'*. *Khrestomatiya po filosofii. Izd. 2-e, pererab. i dop.* (Russian idea: whether we continue the interrupted path. Reading book on philosophy). Moscow, 1997, pp. 540–571.
 14. Ustrjalov N. G. *Russkaja istorija do 1855 goda: v 2 chastjah* (Russian history till 1855). Petrozavodsk, 1997. 960 p.
 15. Rudnev V. A. *Slovo o knjaze Vladimire* (The epic of Prince Vladimir). Moscow, 1989. 256 p.
 16. Aksakov K. S. *Nravy i obychai drevnih slavjan vobshhe i russkih slavjan v chastnosti* (Dispositions and customs of the ancient Slavs in general and Russian Slavs in particular). St. Petersburg, 1852. 178 p.
 17. *Za altari i ochagi* (For the altars and the hearths). Moscow, 1989. 848 p.
 18. Afanas'eva A. I., Lihanova A. B. *Metamorfozy massovogo soznaniya rossijan* (Metamorphoses of mass consciousness of Russian people). *Socis*, 2009, no. 5, pp. 24–30.
 19. Tul'chinskij G. L. *Ob odnoj oshibke russkoj revoljucii* (About one error of Russian revolution). *Voprosy filosofii* (Problems of philosophy). 1995, no. 3, pp. 78–89.
 20. Vasil'ev V. *Armija i flot v rezul'tate neprodumannyh, nekompetentnyh reform nahodjatsja na grani gibeli* (As a result of reckless, incompetent reforms the Army and the Navy are on the verge of death), available at: <http://vmfrussia.ru/group/1/discussion/130/>

УДК 930.1

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИИ ИСТОРИИ ЙОРНА РЮЗЕНА

А. А. Линченко

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, кафедра естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк
E-mail: linchenko1@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу теории исторического сознания Й. Рюзена – одной из наиболее распространенных в современной зарубежной философии и теории истории. Подчеркивается, что исследование Й. Рюзеном сущности, структуры, процессов трансформации и социальных функций исторического сознания следует рассматривать в контексте идеи реабилитации модерна в современной зарубежной философии и поисков синтеза достижений нарративной и герменевтической философии истории. Обосновывается мысль о динамическом характере понимания Й. Рюзеном исторического сознания, что связано с интерпретацией исторического сознания как способности человека ориентироваться во времени, быть субъектом культуры памяти. Анализируются и осмысливаются ключевые понятия теории исторического сознания Й. Рюзена: исторический опыт, интерпретация, ориентация, нарративная компетентность, историческая культура. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития теории Й. Рюзена в направлении уточнения социально-онтологических оснований понимания исторического сознания.

Ключевые слова: историческое сознание, Й. Рюзен, нарратив, исторический опыт.

Современный взгляд на философию истории не позволяет говорить об однозначном ее

понимании. С одной стороны, в зарубежной философии истории давно уже сложилась вполне устоявшаяся традиция, отрицающая наличие её неких определенных метафизических оснований и критически воспринимающая всякую онтологическую (или субстантивную) философию истории. С другой стороны, философия истории в XXI в. существенно расширила круг своих интересов. Так, традиционные вопросы аналитической, герменевтической и нарративной философии истории на Западе оказались дополнены темами политического присвоения прошлого, проблематикой исторических коммемораций, медийным дискурсом об истории, проблемами коллективной памяти и идентичности, национальными образами времени и исторического опыта, этическим измерением истории. По мысли Ю. А. Кимелева, «в настоящее время философия истории предстает как собрание отчасти независимых друг от друга, отчасти пересекающихся постановок вопросов, проблем, подходов, а также связанных с ними философских концептуализаций» [1, с. 91]. Это приводит к тому,